

31. Пічэта У. Гаспадарскія (вялікакняскія) двары ў заходніх воласцях Беларусі пасля рэформы Жыгімонта-Аўгуста. Мінск: Ін-т беларус. культуры, 1927.
32. Пичета В. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государств: в 2 т. М. : Синод. тип., 1915–1917. 2 т.
33. Пичета В. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии / В. Пичета. М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1940.
34. Пичета В.И. Белоруссия и Литва XV–XVI вв.: исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
35. Смородский А. П. Столетие Минской губернии, 1793 – 1893: ист.-стат. зап. Минск: Типолитогр. Р. Дворжец, 1893.
36. Стукалич В. К. Белоруссия и Литва: очерки из истории городов в Белоруссии. Витебск: Губерн. тип., 1894.
37. Чепко В. В. Сельское хозяйство Белоруссии в первой половине XIX века. Мн.: Наука и техника, 1966.
38. Шпилевский П. М. Путешествие по Полесью и белорусскому краю. Минск : Беларусь, 2004.

УДК 821.161.1 (93/94)

ОТРАЖЕНИЕ «УРОВНЯ КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ» ОБЩЕСТВА В СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ 1960-ЫХ ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА В.С. ВЫСОЦКОГО)

Латышева В.А.

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, Минск, Беларусь; Victoria-Lat@yandex.ru*

В предлагаемом материале обращено внимание на такую социально-медицинскую категорию, как душевнобольные. Исследование данной категории представляется как возможность реконструкции отдельных ценностных ориентиров общества. Очерчивается круг специфических методологических и источниковых проблем, возникающих при исследовании указанного объекта в рамках исторического познания. Поэзия 1960-ых гг. рассматривается как один из перспективных источников в данном направлении. Предлагается методика подобных исследований на примере творчества В. С. Высоцкого.

Ключевые слова: исторический источник; методология истории; образ; В.С. Высоцкий; литературное творчество; ценностные ориентиры; советская эпоха; 1960-ые гг.

REFLECTION OF THE "LEVEL OF CULTURE AND CIVILIZATION" OF SOCIETY IN THE SOVIET POETRY OF THE 1960S (ON THE EXEMPLE OF CREATIVITY OF V. S. VYSOTSKY)

V. Latyshava

*Belarusian State University, Niezavisimosti Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus; Victoria-
Lat@yandex.ru*

Annotation. In the proposed material drawn attention to a socio-medical category as the mentally ill, the study of this category appears as the possibility of reconstruction of individual value orientations of the society; the article outlines the specific methodological and source problems arising in the study of the specified object within the framework of historical knowledge; the poetry of the 1960s is considered as one of promising sources in this direction; the methodology this research on the example of creativity of V. S. Vysotsky.

Key words: historical source; methodology of history; image; V. S. Vysotsky; literary creativity; value orientations; Soviet era; 1960s.

Современное общество все чаще сталкивается с вызовами, приковывающими повышенное внимание к проблемам духовности, что указывает как на очевидный кризис соответствующих ей ценностей, так и демонстрирует их тесную связь с основными сферами общественной жизни. Сегодня ценность определяется как «сложившаяся в условиях цивилизации и непосредственно переживаемая людьми форма их отношения к общезначимым образцам культуры и к тем предельным

возможностям, от осознания которых зависит способность каждого индивида проектировать будущее, оценивать «иное» и сохранять в памяти прошлое» [16, с. 788].

По ряду причин востребованную популярность в русскоязычном междисциплинарном дискурсе все более приобретает, в том числе, мысль, высказанная профессором Г. А. Гуковским еще в 1939 г. В частности, он отметил, что «ограничивая поле своего внимания только лишь документальным и мемуарным материалом, ...исследователь (здесь – *Авт.*) лишает себя ценнейшего и достаточно обильного материала, образно воплощающего жизнь и творчество... прошлого – материала тем более ценного, что он дан в освещении лучших представителей... своего времени» [12, с. 19]. Безусловно, одним из таких представителей эпохи советского общества 1960 – 1970-х гг. можно назвать Владимира Семеновича Высоцкого. Человек-творец, который был на пике своего времени, рождение каждой работы которого сопровождалось «пропуском» темы через себя.

Среди обилия в первую очередь социальных, а зачастую социально-политических тем, нашедших отражение в его творчестве, белорусский литературовед А. Ю. Горбачев, например, выделяет, в том числе, и темы, связанные с так называемой «блатной» тематикой, темой Великой Отечественной войны, антисемитизмом, последствиями сталинского периода правления, абсурдностью внутренней политики в области эмиграции, культуры и т.д., актуальными в его время вопросами международной политики [6, с. 173–174].

Действительно, феномен творчества В. С. Высоцкий смог отразить колоссально широкую проблематику. Она связана с различными сторонами советской жизни, которая его окружала: от повседневных будней до политизации практически всех сторон жизни советского человека. Исключением не стали и такие вечные спутницы человеческой жизни, как любовь, дружба, преданность и др. На взгляд автора, здесь очевиден исследовательский потенциал, в том числе для обращения к проблеме ценностных категорий жизни советского общества. Исследовательская перспектива видится и в том, что объектами внимания творчества В. С. Высоцкого становились различные социальные группы, составляющие советское общество. Отдельного внимания среди них заслуживает такая группа, как душевнобольные. Актуализацию данной темы в его работах видится возможным аргументировать как минимум двумя причинами.

Первая из них – тесная личная связь В. С. Высоцкого с существованием этой категории общества. Известный публицист, журналист В. К. Перевозчиков, объект профессионального внимания которого не одно десятилетие тесно связан с биографией Владимира Семёновича, довольно метко назвал одну из своих работ о нем «Живая жизнь» [8]. На наш взгляд, это концентрация всего, что успел сделать В.С. Высоцкий – несмотря на ее краткосрочность, прожить свою жизнь живою, не исключая из нее и того, что в общественном дискурсе имеет имя порока. Одним из них для Владимира Семёновича был алкоголизм, что не единожды способствовало его нахождению в стенах медицинских учреждений, оказывавших и стационарную психиатрическую помощь. Это давало возможность В. С. Высоцкому апеллировать к этой теме, зная ее непосредственно «изнутри».

Второй причиной может являться место и роль оказания специализированной помощи, как и социальных групп, охватывающих ее внимание, в обществе на различных этапах его развития. Состояние оказания помощи душевнобольным людям, как и векторы отношения к ним, являются лакмусовой бумажкой, отражающей духовное и общекультурное состояние любого социума. Мысль, высказанная в конце XIX в. психиатром с мировой известностью С. С. Корсаковым, не потеряла свою актуальность и сегодня. Он отмечал: «По тому, как устрояет общество своих душевнобольных, можно судить об уровне его культуры, цивилизации» [14].

Очевидно, что исключением не стало и советское общество. Однако именно в 1960-е гг. здесь происходит радикальный по своим последствиям шаг, предпринятый государством – кардинальные изменения в нормативной законодательной базе в

отношении душевнобольных. Одним из таких источников, свидетельствующих об этом, можно назвать Инструкцию от 10 октября 1961 г. по неотложной госпитализации психически больных, представляющих общественную опасность [9]. Ряд исследователей подчеркивают мысль о том, что 1960-е гг. стали переходом от более открытого характера тоталитаризма в рамках репрессий к более закрытой форме – использованию психиатрии как карательного средства с инакомыслием.

Вместе с тем, в 1960-е гг. в советском обществе происходит и рождение такого многогранного феномена, как В. С. Высоцкий. Обращение к исследованию тематики, связанной в его творчестве с душевнобольными и их жизнью, не ново. «Синдром сумасшествия» – так определяет эту тему доктор филологических наук М. А. Перепелкин. В своей публикации он выделяет, в первую очередь, несколько работ Владимира Семёновича, увидевшие свет в 1960-х гг. Это «Песня о сумасшедшем доме» («Сказал себе я брошь писать...») (зима 1965–1966 гг.) и повесть «Дельфины и психи. Записки сумасшедшего, или Жизнь без сна» (1968). Отметим, что «Песня о сумасшедшем доме» была и остается известной широкой аудитории, в отличие от «Дельфинов и психов», как и, в целом, прозаическое наследие В. С. Высоцкого. Хотя очевидно, что феномен его творчества продолжается и в 1970-е гг., как и тема «синдрома сумасшествия» в нем и для него: в 1977 г. была написано, пожалуй, наиболее известное в рамках рассматриваемой тематики «Письмо в редакцию телевизионной передачи «Очевидное-невероятное» из сумасшедшего дома, с Канатчиковой дачи» [15, с. 61].

В целом источниковая база в данном случае может быть и более широкой по отношению к 1960-м гг., чем названные два произведения. Так, в 1969 г. увидело свет и, например, «Я лежу в изоляторе...» [4]. Однако именно «Песня о сумасшедшем доме» является неким прологом для всего последующего дискурса «синдрома сумасшествия» в творчестве В. С. Высоцкого. Потенциал для исследования, заключенный в «Песне...», видится еще более масштабным. Этому может способствовать присоединение к избранному ранее узкоотраслевому подходу в его исследовании, ограничивающимся лишь областью литературоведения, такой методологической стратегии, как работа с образами.

В пользу ее выбора говорит и особенность самой группы. Ввиду своего состояния душевнобольные не могли и не могут оставлять репрезентативной источниковой базы, свидетельствующей об их оценках, реакциях на происходящее. В свою очередь, ни одно общество никогда не было гомогенно в своем отношении к этим людям априори. Данные «особенности», представляется, и позволяет решить работа с образом: его границы не распространяются на все общество, однако способны отражать структуру объекта, идеи, их направление, социальные стереотипы и т.п. Литературные произведения, как источники, предоставляют возможность использовать подобные методологические практики, основанные, например, на анализе использования тех или иных единиц дискурса, эмоциональной сферы их восприятия и т.д. Методику исследования образа применительно к нашему объекту здесь может отразить следующая таблица.

Таблица: Анализ образа душевнобольных советской эпохи в 1960-х гг. на примере «Песни о сумасшедшем доме» В.С. Высоцкого

№	Структура образа	Интерпретация наполнения элементов образов	Источник-цитата:
1.	Больной(-ые): я	заниматься творчеством как возможность оказаться среди стационарных пациентов психиатров	– Сказал себе я: брошь писать! Но руки сами просятся... Лежу в палате – косятся

		находится в числе пациентов, не значит быть больным: противопоставляю себя им – значит, в отличие от них, я не болен	– Ведь рядом психи
	они	те, к кому мы скорее относимся нейтрально, о чем свидетельствуют категории, которые мы используем для обозначения всей группы – «психи»	– психи «тихие», неизлечимые – психи разные – психи эти жрут
		те люди, болезни которых не вызывают некоего негативного отношения к их состоянию	– свихнулся насовсем – Пусть тихо, но помешана – «Сойду с ума!»
2.	Векторы отношения к больным	лечение	– Их лечат
		ограничение в питании	– моят голодом
		избиение	– их санитары бьют – как бьют об двери лбы
		предоставление убогого существования	– Куда там Достоевскому С «Записками...» известными! – И рассказать бы Гоголю Про нашу жизнь убогую! Ей-богу, этот Гоголь бы нам не поверил бы – Вот это мука! Плюй на них Они ж ведь, сука, буйные
3.	Учреждение	специализированное медицинское учреждение – сумасшедший дом	– Песня о сумасшедшем доме
		палата	– Лежу в палате – Вчера в палате номер семь
4.	Медицинский персонал	главный врач медицинского специализированного учреждения, женщина	– Вот главврачиха, женщина, Пусть тихо, но помешана
		санитары	– санитары бьют – санитаров бил
5.	Общественные стереотипы	могут напасть, представляют опасность	– косятся, Не сплю – боюсь, набросятся
		нет дифференциации: все пациенты – «психи», а вылечить их невозможно	– психи «тихие», неизлечимые
		несмотря на то, что угрозы от «психов» нет, они все равно вызывают брезгливость	– Бывают психи разные – Не буйные, но грязные
		неадекватно себя ведут	– Всё норовят меня лизнуть
		меры сдерживания угрозы, исходящей от них, вызывают сомнение	– Все ходят без смиренных
		социальная группа, которая, возможно, требует неоправданных затрат на свое существование	– Всё психи эти жрут

Полученные результаты предлагают основу для рефлексии в первую очередь по двум направлениям: государство и общество.

В частности, обращает на себя внимание известный тезис о развертывании в Советском Союзе в 1960-е гг. феномена «карательной психиатрии». Так, занятия творчеством в середине этого десятилетия для автора «Песни о сумасшедшем доме» видится, как возможность оказаться среди стационарных пациентов психиатров. Однако здесь не прослеживается некая очевидная взаимосвязь с «политизацией» советской психиатрии в это время. Подобный факт не свидетельствует об отсутствии «карательной психиатрии». Кроме того, следует учесть, что в годы создания «Песни о сумасшедшем доме» «карательная психиатрия» только набирала темпы ставших известных сегодня фактов своего роста. В созданном В. С. Высоцким образе мысль о ней еще очевидно не читается, у чего также может быть масса причин.

Пожалуй, более весомой в поддержку существования подобной черты в созданном образе душевнобольных пациентов и их жизни может быть отражение мысли о том, что находится среди пациентов, не значит быть душевнобольным. Но и здесь необходимо учитывать и другие факторы. В частности, еще с начала образования Советского Союза была продолжена традиция имперской России в области психиатрической помощи населению, где одними из пациентов стационаров являлись кроме прочих категорий больных и те пациенты, которые страдали алкоголизмом и его последствиями. Отметим, что наполнение понимания статуса подобных пациентов, страдавших алкоголизмом, не приравнивал их к наполнению понимания статуса пациентов с психическими заболеваниями и расстройствами. Подтверждением тому может служить и развитие советской нормативной законодательной базы межвоенного периода [см., например: 10, 11]. Подобные тенденции были характерны для послевоенного советского времени, как это было и в 1960-е гг. в случае с В. С. Высоцким. Они сохраняют свою актуальность и в системе оказания современной психиатрической помощи, например, в Беларуси [7].

Пожалуй, неким мостиком к мысли о присутствии «карательной психиатрии» выглядит смысловая нагрузка в строчках, где автор скорее стремится сказать о состоянии общества, его жизни: «И рассказать бы Гоголю про нашу жизнь убогую!».

Более радикально мысль об использовании психиатрии для борьбы с инакомыслием, находит свое отражение только далее: «один свихнулся насовсем – кричал: «Даешь Америку!»...». Несомненно, этот тезис заслуживает отдельно более развернутой рефлексии.

Однако более информативно-богатым оказался вектор, связанный непосредственно с советским обществом 1960-х гг. В первую очередь видится необходимым обратить внимание на сам язык произведений В. С. Высоцкого: очень живой, меткий и яркий. Но это и язык самого времени, в котором жил автор. Язык, который формировало современное ему общество, и язык, который формировал это общество. Определенными маркерами в нашем случае могут служить лингвистические единицы, использованные В. С. Высоцким. Представляется, что они способны быть связанными с ответами на следующие вопросы: как видело и представляло душевнобольных и их жизнь в специализированных медицинских учреждениях общество?

Ответ на подобные вопросы в его творчестве сконструирован из таких структур, как «пациенты», «векторы отношения к ним в специализированном медицинском учреждении», «само учреждение», его «медицинский персонал». Кроме того, возможно говорить об определенных социальных стереотипах, которые испытывало общество к рассматриваемому объекту. В частности, все группы пациентов из среды душевнобольных В. С. Высоцким объединяются в категорию, которую он называет только одним словом – «психи». С позиции нашего времени подобные слова не являются корректными. Однако «психи» – это категория дискурса бытового уровня и в 1960-е гг., которая указывает через факт своего существования и на то, что их наличие в обществе признавалось. Ее эмоциональная нагрузка скорее выказывала нейтральное отношение, чем негативное по отношению к этим людям, как и к их

болезненным состояниям: в советских реалиях того десятилетия оказывалось возможным «свихнуться», «помешаться», «сойти с ума».

В 1960-е гг., с точки зрения советского человека, в специализированных медицинских учреждениях для подобных больных предоставлялись следующие условия: лечение, ограничение в питании, избиение, предоставление просто убого существования. К сожалению, большинство из этих негативных представлений о жизни душевнобольных являются реальными фактами, сопровождающими действительность этой категории в целом. В частности, внимание в Новейшей истории на существование как в западноевропейском, так и отечественном обществе подобных фактов обращалось не единожды [см., например: 1, с. 5–6; 18, с. 32].

В обывательском представлении помощь душевнобольным оказывалась в таком учреждении, как «сумасшедший дом» (категория, вынесенная в название произведения). К 1960-м гг. история использования подобного штампа насчитывала не одно десятилетие. Если эмоциональная нагрузка здесь также скорее нейтральная, чем негативная, то смысловая явно не вяжется с возможностью предоставления в подобном учреждении помощи, тем более, медицинского характера. Тем не менее, структуру «сумасшедшего дома» еще только составляли «палаты» (в отличие от более поздних произведений В. С. Высоцкого 1960-х гг., где есть, например, «предбаннички») [4].

Не без внимания остается и медицинский персонал. В случае с «Сумасшедшим домом» в его число входила «главврачиха, женщина». В этом случае нельзя не обратить внимания на гендерную принадлежность медицинского работника – «женщина». В реальности, ранее женщины среди психиатров были не столь уж многочисленны [13], однако начиная с послевоенного периода по ряду причин их количество в профессии увеличивалось. Женщина-психиатр 1960-х гг. – «пусть тихо, но помешана». Уровень профессиональных навыков и (или) должностных обязанностей позволяют называть ее «главврачиха» (в конце 1960-х гг. это уже будет медперсонал, который: «Изверги! Немцы в концлагерях, убийцы в белых халатах, эскулапы, лепилы!» [2]). Кроме нее помощь больным в «Сумасшедшем доме» оказывали санитары. Их образ еще не имеет гендерной дифференциации, отсутствуют демонические черты. Скорее это работа, где они могут «бить» и где их могут «бить» (в более поздних произведениях к ним добавятся «свирепые нянечки», а санитары станут с «косматыми лапами» и «рожами усами») [4].

Обилие социальных стереотипов по отношению к рассматриваемой группе скорее еще один из спутников ее существования. Для советского общества 1960-х гг. они могли оказаться даже противоречащими друг другу, однако большинство из них давно и прочно устоялись во времени различных эпох. Душевнобольные из числа пациентов – люди, которые могут напасть, они представляют опасность; востребованности в дифференциации их диагнозов общество не испытывает: все пациенты – «психи», а вылечить их невозможно; несмотря на то, что угрозы они не представляют, они все равно вызывают брезгливость; неадекватно себя ведут; меры сдерживания угрозы, исходящей от них, вызывают сомнение; социальная группа, которая, возможно, требует неоправданных затрат на свое существование.

Как представляется, вышеизложенные тезисы способны предать иное звучание уже известным граням творчества В. С. Высоцкого, что является почвой и для дальнейшей рефлексии. «Психиатрия это зеркало, в котором отражаются все теневые стороны жизни», – так в 1930-х гг. написал советский психиатр В. А. Гиляровский [5, с. 14]. И с ним трудно не согласиться. Образ душевнобольных и их жизни в стенах стационара, который был запечатлен В. С. Высоцким, отражает его личную трагедию, трагедию, которая еще только разворачивалась в государстве и в обществе 1960-х гг. Очевидно и то, что в отличие от государства, которое диктовало часто негативную и губительную динамику во внутренней политике, затрагивавшую, в том числе, и систему ценностей, общество оставалось более «консервативным», придерживаясь своих ценностных ориентиров, устоявшихся на протяжении не одного столетия.

Библиографические ссылки:

1. Бортницкий А.И. Этапы становления и развития Республиканской психиатрической больницы в Новинках / А.И. Бортницкий // Научно-практическая конференция врачей Республиканской психиатрической больницы. Минск: Полымя, 1972. С. 3-13.
2. Высоцкий В.С. Дельфины и психи. Записки сумасшедшего, или Жизнь без сна / В.С. Высоцкий [Электронный ресурс]. URL: <http://vysotskiy-lit.ru/vysotskiy/proza/delfiny-i-psihi.htm>.
3. Высоцкий В.С. Песне о сумасшедшем доме / В.С. Высоцкий [Электронный ресурс]. URL: <http://vysotskiy-lit.ru/vysotskiy/stihi/113.htm>.
4. Высоцкий В.С. Я лежу в изоляторе / В.С. Высоцкий [Электронный ресурс]. URL: <http://vysotskiy-lit.ru/vysotskiy/stihi/277.htm>.
5. Гиляровский В. А. Психиатрия. Руководство для врачей и студентов / В.А. Гиляровский. Л.-М.: Биомедгиз. 16 тип. треста «Полиграфкнига» в Мск., 1935. – 750 с.
6. Горбачев, А. Ю. Владимир Высоцкий, последний романтик советской эпохи / А.Ю. Горбачев // Русская литература XX - начала XXI века: избранные имена и страницы. Минск: ТетраСистемс, 2011. С. 174-194.
7. ГУ Республиканский научно-практический центр психического здоровья [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mentalhealth.by/uslugi/platnye-uslugi>
8. Живая жизнь: штрихи к биограф. Владимира Высоцкого: [сборник]. [Кн. 1] / [интервью и лит. запись В.К. Перевозчикова]. М.: Моск. рабочий, 1988. – 316 с.
9. Инструкцию по неотложной госпитализации психически больных, представляющих общественную опасность, от 10 октября 1961 г. // Бюллетень текущего законодательства СССР, январь, 1968 г.
10. Инструкция о порядке назначения и проведения принудительного лечения психически больным, совершившим преступление / Инструкция Народного комиссариата Здравоохранения РСФСР и народного Комиссариата юстиции РСФСР. 1935. 23 с.
11. Инструкция о приёме душевнобольных в психиатрические учреждения и выписка из них. 1.11.1922 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 464. Оп. 1а, Д. 244.
12. Манкевич И.А. Литературно-художественное наследие как источник культурологической информации / И.А. Манкевич // Обсерватория культуры. 2007, № 5. С.17–23.
13. Мелешко Л.С. Первая в Белоруссии женщина-психиатр, рукопись / Л.С. Мелешко. Из личного архива автора.
14. Муратова И.Д. История развития психиатрической службы на Севере / официальный сайт Государственного бюджетного учреждения здравоохранения Архангельской области «Архангельская клиническая психиатрическая больница». URL: <http://www.talagi.ru/index.php>.
15. Перепелкин М.А. Трое в сумасшедшем доме (В.С. Высоцкий, И.А. Бродский, В.В. Ерофеев) // Владимир Высоцкий: исследования и материалы 2015-2016 гг.: сборник научных трудов. М., 2016. С. 54-70.
16. Современный философский словарь. – [СПб.]: Академический проект, 2004. – 864 с.
17. Geschichte der Psychiatrie in der LVR-Klinik Boon // Psychiatrie Museum Ver.rückte Zeiten im Haus 15 der LVR-Klinik Boon. Boon, 2018.

УДК 94(476)''1861/1914'':930 +352.075(476)(091):930

ПАВЯТОВАЯ АДМІНІСТРАЦЫЯ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў 1861-1914 ГГ.: СУЧАСНАЯ АЙЧЫННАЯ ГІСТАРЫЯГРАФІЯ

А. Р. Лудзіч

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь; aludich@mail.by*

Зроблены агляд сучаснай айчынай гістарыяграфіі па праблеме дзейнасці павятовай адміністрацыі на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. Разгледжаны асноўныя працы па даследаванні мясцовага дзяржаўнага апарату з 1991 г. Асвятляюцца ідэі аўтараў даследаванняў, зроблена спроба вызначыць значэнне прааналізаваных прац для наступнага вывучэння пытання. Вызначаны прабелы ў вывучэнні тэмы павятовых